
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО, СЕМЕЙНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

PROBLEMS OF CIVIL, BUSINESS, FAMILY AND PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Научная статья
УДК/UDC 347.9

DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-72-78

Добровольность и обязательность в медиации: сравнительно-правовой анализ и перспективы реформирования российского законодательства

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Алсу Эриковна Каримуллина¹, Аделина Фёдоровна Чемодурова²

^{1,2} Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Казань, Российская Федерация

¹ aekarimullina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7729-4340>

² adelinachemodurova@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется вопрос о соотношении принципов добровольности и обязательности в процедуре медиации как ключевой аспект современного альтернативного урегулирования споров. Рассматривается конфликт между принципом автономии воли сторон и необходимостью разгрузки судебной системы, оценивается допустимость и пределы введения элементов обязательности медиации в различных категориях дел: семейных, трудовых, жилищных, корпоративных и гражданских. На основе сравнительного правового анализа законодательства и практики зарубежных стран выделяются допустимые модели, не лишаящие сторон права на судебную защиту, но упорядочивающие доступ к суду. В российском контексте предлагается поэтапная реформа: введение механизма перераспределения судебных расходов за уклонение от медиации, обязательные информационные заседания по отдельным категориям споров и создание специализированных государственных медиационных центров при судах. Итоговый вывод заключается в том, что принцип добровольности в медиации не является препятствием для введения некоторых обязательных элементов, однако радикальный переход к полноценной обязательной медиации в настоящее время является преждевременным.

Ключевые слова: медиация, принцип добровольности, обязательная медиация, альтернативное урегулирование споров, судебные расходы, доступ к правосудию

Для цитирования: Каримуллина А.Э., Чемодурова А.Ф. Добровольность и обязательность в медиации: сравнительно-правовой анализ и перспективы реформирования российского законодательства // Юридический вестник ДГУ. 2026. Т. 58, № 2 (78). С. 72–78. DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-72-78

Original article

Voluntariness and obligation in mediation: comparative legal analysis and prospects for reforming Russian legislation

5.1.3 — Private law (civil) sciences

Alsu E. Karimullina¹, Adelina F. Chemodurova²

^{1,2} Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation

¹ aekarimullina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7729-4340>

² adelinachemodurova@gmail.com

Abstract. The article examines the relationship between the principles of voluntariness and obligation in the mediation procedure as a key aspect of modern alternative dispute resolution. The conflict between the principle of the autonomy of the will of the parties and the need to unload the judicial system is considered, assessing the admissibility and limits of the introduction of elements of mandatory mediation in various categories of cases – family, labor, housing, corporate and civil. Based on a comparative legal analysis of legislation and practice in foreign countries, acceptable models are identified that do not deprive the parties of the right to judicial protec-

tion, but streamline access to court. In the Russian context, a phased reform is proposed: the introduction of a mechanism for redistributing court costs for evading mediation, mandatory information sessions on certain categories of disputes, and the creation of specialized state mediation centers at the courts. The final conclusion is that the principle of voluntariness in mediation is not an obstacle to the introduction of certain mandatory elements, however, a radical transition to full-fledged mandatory mediation is currently premature.

Keywords: mediation; the principle of voluntariness; mandatory mediation; alternative dispute resolution; court costs; access to justice

For citation: Karimullina A.E., Chemodurova A.F. Voluntariness and obligation in mediation: comparative legal analysis and prospects for reforming Russian legislation. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2026, vol. 58, no. 2 (78), pp. 72–78. DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-72-78. (In Russ.).

Вопрос о соотношении принципов добровольности и обязательности в процедуре медиации занимает одно из центральных мест в современной теории и практике альтернативного урегулирования споров. Как отмечает К.А. Капгер, «медиация в своём современном понимании стала развиваться во второй половине XX века в странах англосаксонского права – Великобритании, США и Австралии...» [1, с. 43]. Дискуссия о том, следует ли государству понуждать стороны к обращению к процедуре медиации обострилась, когда ряд европейских государств сделал медиацию обязательным предварительным условием обращения в суд по ряду категорий дел. Результаты этих экспериментов оказались неоднозначными: суды действительно разгрузились, однако параллельно возникли вопросы о качестве достигаемых соглашений и о праве граждан на доступ к правосудию.

В теоретической плоскости вопрос о допустимости обязательной медиации связан с коллизией двух фундаментальных ценностей. Принцип автономии воли, являющийся одним из важнейших принципов частного права, предполагает, что никто не может быть принуждён к переговорам, а тем более к подписанию соглашения против своей воли. С другой стороны, перегруженность судебной системы замедляет доступ к правосудию. Если же обязательная досудебная медиация позволяет существенно сократить сроки и издержки разрешения споров, её можно рассматривать как законный механизм управления доступа к суду. Сторонники обязательной медиации, как правило, апеллируют к двум аргументам: снижению нагрузки на суды и повышению доступа к справедливому результату для сторон, которые иначе не стали бы прибегать к процедуре медиации.

Вместе с тем, не все категории споров в равной мере пригодны для введения элементов обязательности.

Наиболее очевидной категорией для введения обязательной медиации являются семейные споры: прежде всего, дела об определении места жительства детей, порядке общения с детьми, а также расторжении брака и разделе общего имущества супругов. Данное мнение отражено и в работе А.В. Теребун, однако она отмечает, что обязательность медиации эффективна лишь в начале процедуры [2, с. 340]. Как подчёркивает Е.С. Кошчева, введение обязательной досудебной медиации

целесообразно в тех категориях споров, где отсутствует обязательный досудебный претензионный порядок, что как раз и соответствует семейным спорам [3, с. 35]. Необходимо также отметить, что в данных спорах медиация обладает неоспоримыми преимуществами перед судебным разбирательством: она позволяет сохранить коммуникацию между родителями, необходимую для дальнейшего совместного воспитания ребёнка; снизить травматизацию детей, которая часто возникает при судебном процессе; выработать индивидуализированные решения, учитывающие конкретные обстоятельства семьи.

Однако в делах, связанных с ограничением и лишением прав, насилием и иными формами принуждения в семейных отношениях, медиация недопустима. Она рискует стать инструментом дальнейшего давления на жертву. Именно поэтому большинство правовых систем, входящих в обязательную медиацию в семейных спорах, прямо исключают из её сферы дела с признаками домашнего насилия.

Перспективную область для медиации представляют трудовые и жилищные споры. Медиация способна обеспечить восстановление трудовых отношений там, где суд может лишь констатировать их незаконное прекращение и присудить денежную компенсацию. Жилищные споры отличаются тем, что стороны часто продолжают жить по соседству. Судебное решение устраняет формальный предмет спора, однако не снимает напряжённость в отношениях, нередко порождая новые конфликты.

В сфере корпоративных споров, предпринимательской деятельности медиация является наиболее эффективным инструментом разрешения конфликтов. Во-первых, медиация направлена на поиск взаимовыгодного решения, в котором стороны могут прийти к реструктуризации долга, отсрочке, замене товара и т.д. Во-вторых, для юридических лиц крайне важна конфиденциальность. Медиация позволяет сохранить сведения о компании, информацию об урегулировании конфликтов и принятом решении. В-третьих, медиация позволяет разработать нестандартные решения, которые суд самостоятельно бы не вынес. Как указывают П.П. Попов, К.А. Литвинов в исследовании взаимосвязи особенностей корпоративного конфликта и стратегий медиации, система корпоративного управления в Российской Федерации пока имеет незначительный опыт разрешения конфликта аль-

тернативными способами, хотя потенциал в данной сфере весьма высок [4, с. 97].

Ц.А. Шамликашвили отмечает, что потенциал медиации раскрывается не только в урегулировании уже возникших конфликтов, но и в выстраивании системы, которая предотвращает их появление. Именно поэтому в большинстве западных компаний в контракты включают «медиативные оговорки», а внутри самих организаций нередко функционируют специальные подразделения медиаторов. Их деятельность многократно сокращает количество разногласий – как внутренних (между сотрудниками и/или руководством), так и внешних (с партнёрами по бизнесу). Причём фокус их работы смещён именно на превентивную медиацию, то есть на недопущение споров до стадии эскалации [5, с. 66].

По гражданским делам обязательная медиация целесообразна не по всем категориям, а лишь по тем, где отсутствует публичный интерес, стороны находятся в горизонтальных (равных) отношениях. Медиация была бы результативна в спорах, возникающих из договоров аренды, подряда и оказания услуг, купли-продажи, хранения и перевозки и т.д. В спорах, связанных с защитой прав потребителей, асимметрия переговорных возможностей между потребителями и продавцами делает медиацию структурно невыгодной для слабой стороны: профессиональные переговорщики способны склонить потребителей к соглашению на условиях, хуже тех, которые они могли бы получить в суде.

Как сообщает С.М. Фоминых, в уголовно-процессуальном законодательстве понятие медиации отсутствует, а Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не содержит нормы, позволяющей применять медиацию в уголовном судопроизводстве [6, с. 53]. Уголовно-правовые споры, за исключением ограниченного круга дел частного обвинения, по природе своей вступают в противоречие с принципами альтернативного урегулирования споров. Публичный интерес в уголовном преследовании не может быть предметом компромисса между частными лицами.

Английское право исторически придерживалось принципа добровольности в медиации, однако в последующем практика сложилась так, что необоснованный отказ от медиации является самостоятельным процессуальным нарушением, влекущим неблагоприятные последствия в сфере судебных расходов. Это решение было развито в деле *Halsey v. Milton Keynes General NHS Trust* [7], ставшим ведущим прецедентом в данной области. В дальнейшем Апелляционный суд в деле *Churchill v. Merthyr Tydfil County Borough Council* [8] признал, что суд вправе в ряде случаев обязывать стороны к участию в медиации или приостанавливать производство для прохождения медитативной процедуры. Это решение ознаменовало доктринальный

перелом в английском праве и фактически открыло дорогу к ограниченной обязательной медиации в рамках судебного управления делом. При этом английские суды традиционно наиболее активно направляют на медиацию споры из коммерческих договоров. Как справедливо замечает А.Д. Лозовицкая, в связи с тем, что у сторон отсутствует обязательство заключать мировое соглашение в ходе медиации и у них сохраняется право обратиться в суд за разрешением спора, можно сделать вывод о том, что у граждан сохраняется доступ к правосудию [9, с. 192].

Опыт Италии представляет собой наиболее показательный случай введения обязательной медиации в европейском контексте. Законодательный декрет № 28/2010 [10] ввёл обязательную досудебную медиацию по 22 категориям гражданских и коммерческих споров: в частности, по делам имущественного характера, права пользования, аренды, наследования, семейных правоотношений, страховании, банковских и финансовых договорах. Процедура предполагала, что истец до подачи иска обязан обратиться в аккредитованную Министерством юстиции структуру, предоставляющую услуги медиации. Благодаря государственной аккредитации специалистов, обеспечивается профессиональное независимое урегулирование гражданских и коммерческих споров. Первое заседание, на котором медиатор разъяснял сторонам существо процедуры, являлось обязательным, однако продолжения переговоров нет. Неявка без уважительных причин влекла неблагоприятные процессуальные последствия в виде возможного взыскания судебных расходов. В 2013 году обязательная медиация претерпела модификации, в частности, был предусмотрен более гибкий механизм первой встречи-ознакомления, на которой стороны решают, желают ли они продолжить процедуру или нет.

В Америке каждый штат вправе самостоятельно определять степень обязательности медитативных процедур, а федеральные суды располагают значительной дискрецией в вопросах направления дел на медиацию. Альтернативное урегулирование споров **институционализировано** на федеральном уровне, прежде всего, Законом об альтернативном урегулировании споров 1998 года [11], который предписал всем федеральным районным судам принять и применять программы альтернативного урегулирования споров, однако не установил обязательности участия в них сторон.

В южном округе Нью-Йорка программа *Mediation Program*, действующая с 1995 года, предусматривает автоматическое направление гражданских дел определённых категорий на медиацию, если обе стороны не заявят об отказе. Ключевым элементом здесь является не принуждение, а «презумпция участия», опровержение которой требует активных действий от стороны. Программа охватывает, главным образом,

коммерческие споры, споры об интеллектуальной собственности, трудовые споры.

Правила гражданского судопроизводства Флориды [12] также предусматривают право направить дело на медиацию без согласия сторон по большинству категорий гражданских споров. В деле *Catellanos v. North Shore Jewish Center* [13] суд Флориды закрепил принцип, согласно которому обязательное направление на медиацию не нарушает конституционных прав сторон, поскольку не лишает их доступа к суду, а лишь откладывает его. Данная позиция впоследствии была воспроизведена в доктрине и законодательстве ряда других штатов. Во Флориде медиация выступает де-факто стандартным этапом производства по семейным делам, прежде всего, по делам о разводе и опеке над детьми.

Аргентина является одним из наиболее радикальных примеров институционализации обязательной медиации. Закон № 24.573 от 1995 года, а впоследствии закон № 26.589 от 2010 года [14] установили обязательную предсудебную медиацию практически по всем гражданским, торговым и семейным спорам, рассматриваемым в федеральных судах столичного округа Буэнос-Айрес. Проведение медиации возлагается на государственных медиаторов, зарегистрированных в специальном реестре Министерства юстиции, что обеспечивает институциональную независимость процедуры и государственный контроль за квалификацией специалистов. Аргентинский опыт наглядно демонстрирует, что системная обязательная медиация реализуется лишь при наличии развитой государственной инфраструктуры, включающей аккредитацию медиаторов, субсидирование процедуры для социально уязвимых групп населения и механизмы контроля качества. Государства, попытавшиеся достичь аналогичного результата исключительно посредством законодательного принуждения без сопутствующих инвестиций, столкнулись бы с феноменом имитационной медиации, формального прохождения процедуры без реального стремления сторон к урегулированию конфликта.

Российское законодательство о медиации сформировано, главным образом, Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В основу закона положен принцип добровольности: медиация рассматривается как исключительно диспозитивный инструмент, применение которого обусловлено взаимным согласием. Законодатель возлагал надежды на широкое распространение медиационных оговорок в договорах, а также на ограниченное включение медиации в деловой оборот по мере роста правовой культуры.

Однако медиация по-прежнему остаётся невостребованной: согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации доля дел, урегулированных посредством медиации, в общем объеме гражданских и арбитражных дел ничтожно мала и не превышает десятих долей процента.

Рассмотрим статистику на примере семейных споров. В 2023 году судами было рассмотрено 1021903 дела, возникающих из семейных правоотношений, из которых лишь 461 завершено с использованием примирительных процедур. В 2024 году количество рассмотренных дел снизилось до 917935 дел, при этом число дел, урегулированных с помощью медиации, выросло до 525. За первое полугодие 2025 года судами рассмотрено 402179 дел, а медиация применена в 267 случаях¹.

Вероятно, это связано с рядом факторов. Существенным пробелом действующего регулирования остается отсутствие нормативно закреплённого механизма стимулирования обращения к медиации. Обязанность суда содействовать примирению сторон, предусмотренная процессуальным законодательством, фактически носит декларативный характер.

Центральным конституционным возражением против обязательной медиации является то, что она ограничивает право на судебную защиту, гарантированное статьей 46 Конституции Российской Федерации. Мы считаем, что право на судебную защиту не означает право на рассмотрение спора именно в судебном порядке без каких-либо предварительных условий. Если обязательная медиация выступает лишь условием, предшествующим обращению в суд, то есть временным, а не постоянным препятствием на пути к правосудию, она не нарушает существа конституционного права.

При этом принципиально важно разграничить две качественно различные модели обязательности. Первая – обязанность пройти информационное заседание, на котором медиатор лишь разъясняет процедуру, а стороны вправе немедленно отказаться от её продолжения. По своей правовой природе она аналогична уже закреплённому в российском праве обязательному претензионному порядку и с конституционно-правовой точки зрения, безусловно, допустима. Вторая – обязанность участвовать в нескольких сессиях медиации до исчерпания возможностей примирения. Она значительно более инвазивна, хотя при разумно ограниченных сроках и категориях дел может укладываться в конституционные рамки.

Немаловажен и вопрос о качестве медиационного соглашения. Оно оценивается по нескольким параметрам: соответствие интересам обеих сторон; долгосрочная устойчивость и фактическое исполнение соглашения, то есть отсутствие его последующего неисполнения или оспаривания; субъективное ощущение сторон, что процедура была справедливой; способность соглашения урегулировать не только юридический спор, но лежащие

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.02.2025).

в его основе конфликты интересов. Есть основания полагать, что принуждение к медиации без надлежащей институциональной подготовки структурно снижает качество соглашений и повышает вероятность их последующего оспаривания.

Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта и оценка отечественного регулирования позволяют сформулировать ряд конкретных предложений по реформированию российского законодательства о медиации.

Во-первых, предлагается ввести механизм перераспределения судебных расходов за необоснованный отказ от медиации. Международная практика свидетельствует об эффективности механизма распределения судебных расходов: сторона, которая без уважительных причин отвергла положение медиации, а впоследствии проиграла судебный процесс, должна нести бремя расходов, в том числе расходов противной стороны. Данный механизм не блокирует доступ к суду, а лишь создаёт финансовые последствия для проигравшей стороны. Предлагается дополнить статью 110 АПК РФ¹ и статью 98 ГПК РФ² нормой следующего содержания: «При распределении судебных расходов суд вправе отнести на сторону, которая без уважительных причин уклонилась от проведения процедуры медиации или иной примирительной процедуры, все судебные расходы независимо от результатов рассмотрения дела». Подобное дополнение органично вписывается в уже существующий в статье 111 АПК РФ механизм санкций за злоупотребление процессуальными правами, так что расширение этого правила в случае уклонения от медиации не потребовало бы концептуально новых законодательных решений.

Во-вторых, целесообразно обязать суд при возвращении или оставлении без движения искового заявления информировать заявителя о возможности урегулирования спора с помощью медиации с приложением перечня аккредитованных медиаторов, действующих в соответствующем регионе. Соответствующие изменения следует внести в статью 135 ГПК РФ и статью 129 АПК РФ. Данная мера не носит принудительного характера, однако формирует у сторон осознанное представление о существующих альтернативах на критически важном, начальном этапе судебного производства.

В-третьих, представляется обоснованным введение обязательного информационного заседания, как минимум, по отдельным категориям семейных

споров: прежде всего, по делам, связанным с определением места жительства детей и порядком осуществления родительских прав. Мировой опыт свидетельствует о том, что семейные споры о детях относятся именно к той категории дел, в которой медиация приносит наибольшую пользу: не столько в целях разгрузки судов, сколько ради обеспечения интересов ребёнка и сохранения родительских отношений. Введение обязательного информационного заседания с профессиональным медиатором, как условие подачи иска, не нарушало бы принцип добровольности полноценной медиации, однако создавало бы условия для осознанного выбора сторон.

В-четвёртых, необходимо рассмотреть возможность создания специализированных государственных медиационных центров при судах – по аналогии с аргентинской или итальянской моделью. Такие центры могли бы предоставлять первичные медиационные услуги по субсидированным тарифам или бесплатно, что устранило бы финансовый барьер для обращения к медиации. Государственная аккредитация медиаторов и контроль качества их работы при этом обеспечивали бы институциональную надёжность процедуры.

Проведённый сравнительно-правовой анализ принципов добровольности и обязательности в процедуре медиации позволяет сформулировать итоговый вывод. Принцип добровольности не является абсолютным препятствием для введения элементов обязательности. Мировая практика выработала конституционно допустимые модели: обязательное информационное заседание, презумпцию участия в медиации с возможностью отказа, процессуальные санкции за необоснованное уклонение. Ни одна из этих конструкций не лишает сторон права на судебную защиту – они лишь упорядочивают доступ к ней, создавая стимулы для досудебного урегулирования.

Для Российской Федерации наиболее перспективным направлением представляется поэтапное введение элементов обязательности в строго ограниченных категориях споров, прежде всего, в семейных делах, связанных с интересами детей, при одновременном усилении процессуальных стимулов посредством механизма перераспределения судебных расходов и инвестировании в государственную инфраструктуру медиации. Радикальный переход к системной обязательной медиации был бы преждевременным в условиях недостаточной зрелости профессионального сообщества медиаторов и слабой институциональной базы. Реформирование должно идти постепенно – от мягких стимулов к умеренным обязательным элементам по мере формирования необходимых инфраструктурных и культурных предпосылок.

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. *Kanqer K.A.* Сравнительно-правовой анализ медиации в зарубежных странах // *Инновационная наука*. 2023. №8-1. С. 43-46.
2. *Теребун А.В.* Пределы ограничения принципа добровольности процедуры медиации по делам, возникающим из семейных правоотношений // *Право и государство: теория и практика*. 2023. №11 (227). С. 339-340.
3. *Кощеева Е.С.* К вопросу о соотношении обязательной медиации и судопроизводства по гражданским делам // *Вопросы современной науки и практики*. 2025. № 1 (12). С. 34-37.
4. *Попов П.П., Литвинов К.А.* Взаимосвязь особенностей конфликта корпоративного управления и применяемых для их разрешения стратегий медиации // *Педагогика: история, перспективы*. 2022. №1. С. 81-100.
5. *Шамликашвили Ц.А.* Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров / Ц.А. Шамликашвили. Москва: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. 77 с.
6. *Фоминых С.М.* Медиация как легитимный способ урегулирования споров // *Вопросы современной науки и практики*. 2025. № 1 (12). С. 51-54.
7. *Halsey v. Milton Keynes General NHS Trusrt* [2004] EWCA Civ 576. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/D-000-4986?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/D-000-4986?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (дата обращения: 28.02.2026).
8. *Churchill v. Merthyr Tydfil County Borough Council* EWCA Civ 1416. URL: <https://www.judiciary.uk/judgments/james-churchill-v-merthyr-tydfil-county-borough-council/> (дата обращения: 28.02.2026).
9. *Лозовицкая А.Д.* Обязательная медиация и рассмотрение гражданских денежных исков онлайн по правилам английского гражданского судопроизводства // *Государственная служба и кадры*. 2023. №4. С. 190-192.
10. Decreto Legislativo 4 marzo 2010, n. 28 «Attuazione dell'articolo 60 della legge 18 giugno 2009, n. 69, in materia di mediazione finalizzata alla conciliazione delle controversie civili e commerciali», *Gazette Ufficiale della Repubblica Italiana*, 2010, № 53. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:2010-03-04;28> (дата обращения: 01.03.2026).
11. Alternative Dispute Resolution Act of 1998 (28 U.S.C. §651 et seq.). URL: https://www.epa.gov/sites/default/files/2015-09/documents/adra_1998.pdf (дата обращения: 01.03.2026).
12. Florida Rules of Civil Procedure, Rules 1.700-1.750, Florida Bar. URL: <https://coxlawflorida.com/florida-rules-of-civil-procedure/> (дата обращения: 02.03.2026).
13. *Castellanos v. North Shore Jewish Center*, 699 So. 2d 255 (Fla. 4th DCA 1997). URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/505131/castellanos-v-north-shore-jewish/?page=1> (дата обращения: 02.03.2026).
14. Ley № 26.589 de Mediacion y Conciliacion, 2010, *Boletin Oficial de la Republica Argentina*, 2010, № 31, p. 898. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17285> (дата обращения: 02.03.2026).

References

1. *Kapger K. A.* Sravnitel'no-pravovoj analiz mediatsii v zarubezhnyh stranah [Comparative and legal analysis of mediation in foreign countries], *Innovatsionnaya nauka [Innovation Science]*, 2023, no. 8-1, pp. 43-46. (In Russ.).
2. *Terebun A.V.* Predely ogranicheniya principa dobrovol'nosti procedury mediatsii po delam, vznikayushchim iz semejnyh pravootnoshenij [Limits of limitation of the principle of voluntary mediation procedure in cases arising from family legal relations], *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and state: theory and practice]*, 2023, no. 11(227), pp. 339-340. (In Russ.).
3. *Koshcheeva E. S.* K voprosu o sootnoshenii obyazatel'noj mediatsii i sudoproizvodstva po grazhdanskim delam [On the issue of the relationship between mandatory mediation and judicial proceedings in civil cases], *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki [Issues of modern science and practice]*, 2025, no. 1 (12), pp. 34-37. (In Russ.).
4. *Popov P. P., Litvinov K. A.* Vzaimosvyaz' osobennostej konflikta korporativnogo upravleniya i primenyaemyh dlya ih razresheniya strategij mediatsii [The relationship between the characteristics of corporate governance conflicts and the mediation strategies used to resolve them], *Pedagogika: istoriya, perspektivy [Pedagogy: history, prospects]*, 2022, vol. 1, no. 1, pp. 81-100. (In Russ.).
5. *Shamlikashvili Ts. A.* Mediatsiya – sovremenniy metod vnesudebnogo razresheniya sporov [Mediation – a modern method of out-of-court dispute resolution], Ts. A. Shamlikashvili. Moscow: Publishing House of Interregional Center for Managerial and Political Consulting LLC, 2017, 77 p. (In Russ.).

6. Fominyh S. M. *Mediaciya kak legitimnyj sposob uregulirovaniya sporov* [Mediation as a legitimate way to resolve disputes], *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki* [Issues of modern science and practice], 2025, no. 1 (12), pp. 51–54. (In Russ.).
7. Halsey v. Milton Keynes General NHS Trusrt [2004] EWCA Civ 576. (In Eng.). Available at: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/D-000-4986?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/D-000-4986?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (accessed: 28.02.2026).
8. Churchill v. Merthyr Tydfil County Borough Council EWCA Civ 1416. (In Eng.). Available at: <https://www.judiciary.uk/judgments/james-churchill-v-merthyr-tydfil-county-borough-council/> (accessed 28.02.2026).
9. Lozovitskaya A.D. Obyazatel'naya mediaciya i rassmotrenie grazhdanskih denezhnyh iskov onlajn po pravilam anglijskogo grazhdanskogo sudoproizvodstva [Compulsory mediation and trial of civil money claims online according to the civil procedure rules of the United Kingdom], *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [State service and personnel], 2023, no. 4, pp. 190–192. (In Russ.).
10. Decreto Legislativo 4 marzo 2010, n. 28 «Attuazione dell'articolo 60 della legge 18 giugno 2009, n. 69, in materia di mediazione finalizzata alla conciliazione delle controversie civili e commerciali», *Gazette Ufficiale della Repubblica Italiana*, 2010, no. 53. (In Eng.). Available at: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:2010-03-04;28> (accessed 01.03.2026).
11. Alternative Dispute Resolution Act of 1998 (28 U.S.C. §651 et seq.). (In Eng.). Available at: https://www.epa.gov/sites/default/files/2015-09/documents/adra_1998.pdf (accessed 01.03.2026).
12. Florida Rules of Civil Procedure, Rules 1.700-1.750, Florida Bar. (In Eng.). Available at: <https://coxlawflorida.com/florida-rules-of-civil-procedure/> (accessed 02.03.2026).
13. Castellanos v. North Shore Jewish Center, 699 So. 2d 255 (Fla. 4th DCA 1997). (In Eng.). Available at: <https://www.courtlistener.com/opinion/505131/castellanos-v-north-shore-jewish/?page=1> (accessed: 02.03.2026).
14. Ley № 26.589 de Mediacion y Conciliacion, 2010, *Boletin Oficial de la Republica Argentina*, 2010, no. 31, p. 898. (In Eng.). Available at: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17285> (accessed 02.03.2026).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Каримуллина Алсу Эриковна, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Казанского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», кандидат юридических наук, доцент, г. Казань, Российская Федерация. E-mail: aekarimullina@mail.ru

Чемодурова Аделина Фёдоровна, факультет подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Казанского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», 40.03.01, г. Казань, Российская Федерация. E-mail: adelinachemodurova@gmail.com

Поступила в редакцию 24.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 30.04.2026 г.; принята к публикации 26.05.2026 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karimullina Alsu Erikovna, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Candidate of Law, Associate Professor, Kazan, Russian Federation. E-mail: aekarimullina@mail.ru

Chemodurova Adelina Fedorovna, Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law) Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation, 40.03.01. E-mail: adelinachemodurova@gmail.com

Received 24.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 26.05.2026